

Владислав Китик

Проказенить взрослую жизнь

Детство заканчивается, когда начинаются воспоминания о нем. А пока живешь в его пенатах, происходящее не с чем сравнивать: все внове и впервые. У тебя еще нет «прошлого опыта», и только созревают вопросы, на которые, преодолев догадки, придется отвечать потом, на экзамене взрослой жизни. В настоящем же отсутствует ощущение времени – в наличии лишь пространство: своего дома, класса, школьного двора.

«Есть только будущий опыт», – говорит об этом Вера Зубарева, предлагая читателю повесть в рассказах «Школьный двор»: место, где народ, населяющий детство, обитает в виде персонажей, наживающих этот опыт. Постепенно время обтачивает события, определяющие характер каждого. Или формирующийся характер одноклассников приводит к выбору событий, нужных для приобретения опыта, – можно и так! Главное, что в повести пульсирует животворный процесс становления личности.

Например, у героини, от лица которой идет рассказ, явственной ощущение этой работы во снах, где появляются ипостаси «Время-река, время-степь, время-лес. Время-мужчина и время-женщина... Пространство-время скручено из памяти звезд, людей и рек, и память... живая, меняющаяся, порождает новые памяти...».

Впрочем, Зубарева подчеркивает в предисловии, что главная героиня – «школа. Легендарная школа № 90 имени А.С. Пушкина». Ей и посвящает свою повесть автор, произвольно обращая внимание каждого на подтексты собственного детства. А школа действительно легендарная! О ней имеются статьи в Википедии, у нее есть свой собственный сайт. Воспоминания о ней до сих пор откликаются

в душе ее выпускников. Как пишет Зубарева во вступительном слове: «Школа напитала нас тем, чем мы живы и поныне, что несем в себе и будем нести всегда. И не только мы, но и те, что придут и пришли после нас, каждое последующее поколение. Дух школы, получившей в 2013-м году диплом телепроекта «Достояние Одессы», не умер и не устарел. Он по-прежнему обитает в ее стенах».

В связи с важностью этого аспекта становятся ненужными вопросы о том, совпадает ли повествование с биографической правдой, соответствуют ли персонажи повести своим реальным прототипам или каков баланс между фактическим участием автора в жизни «школьного двора» и его художественным alter ego: «у пера – своя правда».

Гораздо существенней параллельно возникающие воспоминания о собственной школе, переросшей из общеобразовательной в школу жизни. И первое, в чем узнаешь себя, связывая концы двух времен, это сопереживание. А следом – раздумья и рефлексия.

А еще – мистическая возможность проказенить свою взрослую жизнь и вернуться к истокам. Нельзя изменить прошлое, но можно, оглянувшись, непредвзято посмотреть в те дали, как в честное зеркало, и признаться себе, таким ли ты стал, о каком мечтал тот лопухий мальчуган или та девочка с косичками, заглядывая в будущее. Оправдал ли ожидания, разочаровался ли?

Книга Веры Зубаревой побуждает к критическому взгляду на свой уже сложившийся характер, чтобы дать трезвую оценку себе нынешнему. В немом приглашении к цензуре самоанализа, в отсылке к придирчивости своего внутреннего редактора – и трудность, и значимость прочтения повести. Она не о чем-то прошлом, она – о своем настоящем.

Внимание автора к деталям, проникновенность и увлеченность, с которыми описаны школьные годы, передаются без напряжения и предвзятости, потому легко вводят в резонанс с течением повествования. Его герои, задиристые соискатели будущего, далеки от депрессии, скуки, одиночества и других возрастных болезней. Они захвачены жизнью, иногда врасплох, в момент несоответствия с образцом послушания. Но в этом проявлено их неосознанное стремление к самораскрытию. Герои «Школьного двора» не пригораются, не подстраиваются под рамки предписаний и стереотипов. Они спорят, мирятся и экспериментируют, их соперничест-

во оправдано их любопытством с привкусом авантюры. В этой лаборатории будущего никто не прячет лицо, не напяливает маску, не боится своей правды. Их подростковый максимализм оформлен в признание: «Учителя физики... Мы его жалели всем сердцем, но идти против себя не могли»... Потому, «что кроме физики есть еще и дружба, и братская поддержка, и много всего другого, чему мы пытались его научить перед вступлением в большую жизнь».

Наконец, читателю предоставлена возможность просто, не прибегая к психотехникам, уйти из будней в мир волнений и обид, предвкушений, розыгрышей, похожий на мир приключений. Ощутить огромный эмоциональный диапазон становления личности. В повести нет положительного или отрицательного героя. Есть живые характеры: «Феля, к примеру, была для приключений, Курица – для конфликтов, Янка – для подготовки к контрольным и экзаменам, а вот Ритка – для того, что не описать словами». «Неточка была ювелирным изделием. Настоящим ее призванием <...> было оставаться чудом».

Доминанта интереса именно к внутренним особенностям каждого подчеркнута отсутствием подробностей в портретных описаниях. Так же рельефны аккорды отношений: совместная казенка уроков, публичность конфликтов с учителями, несение почетного караула на Аллее славы, набатная реакция на трагедию на Куликовом поле. И при этом буквально манифестирование индивидуальности. Неоднозначность книги определена различиями вызванного сердечного отклика у разных читателей, некогда тоже прошедших сквозь тернии школьного детства.

Отсутствие хронологической последовательности событий приближает художественное время повести к произвольности, с какой заявляет о себе память. С этим Зубарева избежала системной дотошности повести-воспоминания, лишённой вымысла ради документальных совпадений. Взамен же предложила диалектическую достоверность, идентифицирующую дела минувших дней с настоящими. В одном из отступлений заявлено желание: «...прийти в результате творческого процесса к открытиям, которые на деле обогащают наше познание действительности...».

Выводя «формулу будущего», автор повести предлагает критерий выбора: «Есть у меня идея, – сказала я. – Забудем про

Сусанина (прозвище преподавателя. – В. К.) и его предпочтения. В конце концов урок – наш. Будем исходить из того, что нам самым интересно... И я предложила тему любви» как «возможность показать, чему мы научились за эти годы». Так было утверждено, что «тема последнего урока – любовь».

Связующим звеном между реальностью и чувствами для школьников оказываются соответствия, найденные в книгах любимых писателей. И как итог: первое правило игры в жизнь – влюбленность. Правило литературы – проявить и выразить рожденные ею чувства. И тогда главным правилом жизни становится искренность. Например, когда, не боясь откровения, одноклассники «договорились рассказывать истории из собственной жизни».

И дальше: выпускники школьного двора, обыгрывая на итоговом уроке сцены из произведений, уже не играют, а словами и действиями выбранных литературных персонажей пытаются передать собственные состояния влюбленности. Так, когда «Том Сойер, смущаясь, сделал предложение Бекки, это прозвучало так, будто Фацц и впрямь просил Риткиной руки».

Одно из необыкновений приключения в том, что оно сводит воедино противоречивые понятия. Вот и в повести Зубаревой: одинаково весомы насмешки и «материнская жалость» к девочке по прозвищу Бублик. Желание «поскорее уйти из школы» так же сильно сдерживает «грусть от расставания». Атмосфера скорого ухода одновременно обостряет необходимость вновь пережить очарование последнего урока. Остается только понять и простить свои ошибки. И тогда дорогими и знаковыми станут негромкие радости наподобие сливочного мороженого после школы. А положенный в портфель родительский бутерброд вызовет за-поздалую, но трогательную благодарность.

Когда бег времени напоминает о его необратимости, жизнь «Школьного двора» оставляет ощущение сердечности, которой так не хватает во взрослой жизни. Да часто и сегодняшней литературе, все более погруженной в игры ума и пространственных рассуждений или в отвлеченность фантастики, избегающей столкновения с реальными чувствами. Но все равно у каждого однажды заболит нерв – тот же самый, который оживляет повесть: как «жизнь прожить с отличием». Выздоровление придет, если рискнуть жить по-другому...